

С. А. Клычков

Набросок автобиографии

Оригинал здесь -- <http://nk-poety.narod.ru/win/main/main.html>

Написать свою биографию не так-то просто: о том, чего не было, но что непременно по сути дела должно бы произойти и если еще не "произошло", то потому очевидно, что не только сам человек, расчетливый и дальновидный, вечно старающийся подобраться к своей судьбе со спины и схватить ее за загривок, но и сама эта судьба нередко ошибается и слишком поздно подчас исправляет свои ошибки, -- обо всем таком надо рассказать так, чтобы и тени подозрения ни у кого не осталось, что всего этого никогда не было, хотя, повторяем, очень легко могло бы случиться; из того же, что в действительности было, чему есть подтверждение в живых свидетелях, в метриках, документах и паспортах, необходимо всегда с заботливым вкусом отобрать нужное и характерное, потому что очень многое из того, что с человеком "происходит", вполне могло бы без всякого ущерба для него пройти стороной, -- обо всем таком надо рассказать так, чтобы все это, в самый серьез с тобой случившееся, не обернулось в представлении читателя в пышные фантазии сочинителя.

Итак: я родился в 1889 году в Чертухинском лесу неподалеку от деревни Дубровок, тут же, как только перейдешь речку Куйминку и свернешь в урочище Глебцово, принадлежавшее тогда помещику Добровольскому. В этом урочище на самом просеке стояла Густая Елка, описанная мною в "Сахарном немце", около елки, что еще хорошо помнят и сейчас дубровские ягодницы, был непролазный малинник: в нем-то меня по неопытности и молодости своей родительница моя и стряхнула... Не потому ли я так люблю мхи, еловую гущицу и ту душистую лесную сырятину, с тучами комаров и толкушек, от которых с таким недружелюбием утекают дачники?.. Замшарелый чистик, с боговником и куманикой, болото с бородкой осоки у края, с подожками когда-то очень рано зацветали желтые болотные бубенчики, из которых я делал себе "часы", с этакой цепочкой на обе стороны, как у купца, а по зимним метельным вечерам лениво и доверчиво понезадалеку от крыльца пробредали семьями лоси, на которых бабка Авдотья почему-то всегда истово крестилась.

-- "Милые же вы мои!" -- приговаривала она, крепко держа меня за руку, и провожала их долгим и умиленным взглядом.

Теперь на этом месте совхоз "Первая пятилетка", лосей что-то давно уж не видно и если пробежит теперь по первой пороше ошалелый от белизны заяц, то редко пожалуй кто примет эту встречу за дурную примету, а если и покрестится по примеру бабки Авдотьи, то совсем не из страха, а из того же умиления перед живой тварью.

Впрочем, правды ради, тут надо сказать по-другому: мужик после войны очевидно на долгое время стал зол и недружелюбен, потому: едва ли умиится, скорее -- палкой запустит!

За изгородкой нашего сада, по другую сторону болота от реки Куйминки, по веснам на пашнях токовало не менее пятидесяти пар чернышей, бабка про них говорила, что эта птица царя Давыда, почему и похож у нее хвост как бы на вознесенную лиру. Теперь они, черныши то есть, больше токуют у меня на страницах стихов и романов, в нашем месте птица эта теперь редкая. Сам я эту птицу -- какую удивительную болтовню (но увлекательную!) поднимет она, бывало, у окон по гулким весенним предутриям, когда внеарок выбежишь из избы за нуждой! -- эту птицу люблю я больше всех остальных, если не считать птицы сороки, но об ней на сей раз лучше помолчать, потому что история с сорокой и в самом деле больше похожа на досужую выдумку, мне же и без того грустно, что люди мне верят только по большим праздникам!

Но теперь мне легче исправиться: ни сорок, ни тетеревов я уже не вижу, живу, как говорил, в хорошей дачной местности, Дубровки созерцаю только по оставшимся на память фотографиям, и читатель сам легко... [продолжение утрачено]